

СОВЕТСКАЯ РОССИЯ В 1926 ГОДУ ГЛАЗАМИ АМЕРИКАНСКОГО МЕТОДИСТСКОГО ПАСТОРА ГАРФИЛДА БРОМЛИ ОКСНЭМА

А.В. Борзов

В статье рассматривается оценка реалий Советской России середины 1920-х гг. американским протестантским пастором Гарфилдом Бромли Окснэмом (Методистская епископальная церковь). Окснэм, приверженец прогрессивных идей «Социального Евангелия», посетил СССР в 1926 г. в составе делегации «левых» и либеральных интеллектуалов из США. В статье анализируются впечатления Окснэма относительно различных сфер советской действительности: особенностей большевистского режима и его эволюции в 1917–1926 гг., религиозной ситуации, образования и культуры, внешней политики. Автор уделяет внимание взглядам пастора на американско-советские отношения и его критике в адрес политической и экономической системы в самих США через призму его религиозных воззрений и отношения к советской действительности.

Ключевые слова: США, Советская Россия, 1920-е гг., большевизм, «Социальное Евангелие», американский протестантизм, религия в СССР, Гарфилд Бромли Окснэм, американско-советские отношения

The article studies the perception of the realities of Soviet Russia in the mid-1920s by the American Protestant minister Garfield Bromley Oxnam (Methodist Episcopal Church). An advocate of progressive ideas of the Social Gospel, Oxnam visited the Soviet Union in 1926 as part of the delegation of «left» and liberal intellectuals from the United States. The article analyzes Oxnam's impressions of different spheres of the Soviet life: the characteristics of the Bolshevik regime and its evolution in 1917–1926, religious situation, education and culture, foreign policy. The author studies Oxnam's look at the American–Soviet relations and his criticism of the politics and economy in the USA through the lens of his religious views and his attitude towards the Soviet realities.

Key words: the USA, Soviet Russia, the 1920s, Bolshevism, the Social Gospel, American Protestantism, religion in the USSR, Garfield Bromley Oxnam, American-Soviet relations

DOI: 10.32608/1010-5557-2024-2024-281-296

Еще в 1918–1920 гг. в США «левые» и многие либералы «с энтузиазмом приветствовали» революционную волну, которая прокатилась по разным частям света» и, соответственно, с негодованием восприняли участие своей страны в интервенции западных держав в Советскую Россию. Реформисты и радикалы взяли на себя задачу противостоять мощной антибольшевистской пропаганде, которая «заполняла ежедневную прессу» и в которой «абсурдная ложь была беспорядочно перемешана с достоверными фактами злодеяний». Общественные деятели, не согласные с проводимой властями США политикой непризнания большевистского правительства, стали активно посещать Советскую Россию, чтобы у себя в Америке аргументированно отстаивать необходимость изменения курса по отношению к Стране Советов. Д. Россинау пишет, что уже в 1920-е гг. в Россию шел «постоянный поток гостей» из числа американских «левых» и либералов, которые возвращались с «восторженными докладами о новом социалистическом обществе»¹.

Многочисленные и все более многообразные по своим богословским особенностям протестантские деноминации Соединенных Штатов Америки не оставались в стороне от этой повестки. С одной стороны, многие Церкви активно поддерживали общенациональную антикоммунистическую истерию и изображали религию в качестве важного оплота в борьбе с политическим радикализмом. Как отмечает С. Альстрем, большинство протестантов разделяли ключевые идеи, лежавшие в основе кампании против «красной угрозы»². С другой стороны, в общественной активности ряда Церквей важное место занимали вопросы взаимоотношения труда и капитала и социальных реформ. Существовавшие в ряде деноминаций так называемые «комитеты по социальной работе», другие организации и многие религиозные деятели играли важную роль в противостоянии «вели-

---

¹ *Rossinow D.* The Radicalization of the Social Gospel: Harry F. Ward and the Search for a New Social Order, 1898–1936 // Religion and American Culture: A Journal of Interpretation. 2005. No. 1. P. 79.

² *Ahlstrom S.* A Religious History of the American People. New Haven; London, 1972. P. 900.

кой охоте на ведьм» и борьбе с «антилиберальными веяниями времени». В этих рядах были, прежде всего, приверженцы прогрессивного протестантского движения «Социального Евангелия»³, и они зачастую сами становились объектами осуждения и подозрений⁴. Немало религиозных деятелей, связанных с социальным евангелизмом, было и в упоминаемом Д. Россинау «потоке» американских «левых» и либералов, посещавших Страну Советов в 1920-х гг. По словам историка, «в 1920–1930-х гг. поездка в Россию почти стала ритуалом посвящения для [прогрессивных] протестантских священников, которые хотели продемонстрировать свою приверженность социальным переменам в Америке»⁵. Делегации американских религиозных деятелей в Советский Союз неоднократно возглавлялись протестантским миссионером и христианским социалистом Дж. Шервудом Эдди, который весьма благосклонно относился к советской системе.

Одна из таких делегаций во главе с Шервудом Эдди посетила Страну Советов летом 1926 г. с целью «выяснить, что [на самом деле] происходит в России». В группе было двадцать четыре человека — не только протестантские пасторы, но и светские общественные деятели и интеллектуалы «левых» и либеральных взглядов, среди которых были также те, кто «посвятил несколько лет изучению России»⁶. В состав делегации входил и Гарфилд Бромли Окснэм (1891–1963) — видный религиозный и общественный деятель Соединенных Штатов Америки в XX в., пастор, а с 1936 г. — епископ Методистской епископальной церкви, представитель либерального крыла в американском протестантизме и, в частности, движения «Социального Евангелия».

---

³ Движение «Социальное Евангелие» возникло в начале XX в. и развивалось в рамках религиозного либерализма, отстаивая необходимость реформирования общественных и экономических отношений на Западе, прежде всего взаимоотношений труда и капитала, предпринимателей и рабочих на основе христианских идей любви к ближнему и сострадания. Соответствующие идеи были сформулированы американским богословом У. Раушенбушем в 1907 г. в книге «Christianity and the Social Crisis» («Христианство и социальный кризис»). «Социальное Евангелие» можно определить как социальный/либеральный реформизм или даже социал-демократию на основе христианских (протестантских) идей. Английский историк Д. Сомервел назвал американскую ветвь данного движения «молящимся крылом прогрессивизма» (*Ahlstrom S.* Op. cit. P. 786–787, 804). Более подробно об идеях и деятельности различных течений внутри «Социального Евангелия» в США в 1910–1920-х гг. см.: *Carter P.* The Decline and Revival of the Social Gospel. Ithaca, New York, 1971. P. 3–140; *Curtis S.* A Consuming Faith: The Social Gospel and Modern American Culture. Columbia, 2004. P. 179–278; *White R., Hopkins C., Bennet J.* Social Gospel: Religion and Reform in Changing America. Philadelphia, 1976. P. 129–172.

⁴ *Ahlstrom S.* Op. cit. P. 900.

⁵ *Rossinow D.* Op. cit. P. 79.

⁶ *Oxnam G.* Russian Impressions. Los Angeles (Calif.), 1927. P. 10–11.

Окснэм был известен своей экуменической деятельностью и активной пропагандой социальных реформ⁷.

После упомянутой поездки в составе делегации во главе с Дж. Шервудом Эдди Г.Б. Окснэм делился впечатлениями и размышлениями о Советском Союзе с членами своей религиозной общины в Лос-Анджелесе, а также с более широкой светской и религиозной аудиторией – в докладах в ряде общественных и церковных организаций. Отредактированные записи этих выступлений были изданы в 1927 г. в виде сборника под общим названием «Russian Impressions»⁸.

Окснэм, знакомя сограждан со своими впечатлениями, преследовал цель помочь американцам объективнее понять Советскую Россию⁹. По его мнению, общественность США 1920-х гг. смотрела на Россию через оптику предрассудков, которые культивировались как леворадикальной пропагандой, изображавшей Страну Советов раем, так и реакционными кругами, которые рисовали противоположную картину. В обоих случаях формировался «застывший» образ, а между тем, по мнению Окснэма, «революция – это живое существо», и Советская Россия «постоянно меняется»¹⁰.

Окснэм подчеркивает, что в Советском Союзе делегация располагала свободой передвижения, и ее члены могли «посещать, что хотели, и видаться, с кем хотели». Американцы имели встречи примерно с тридцатью высокопоставленными руководителями партии и правительства, в том числе со Сталиным, наркомом иностранных дел Г.В. Чичериным, наркомом просвещения РСФСР А.В. Луначарским, членом Президиума ВЦИК П.Г. Смидовичем, наркомом путей сообщения Я.Э. Рудзутаком, директором Московского института народного хозяйства И.Т. Смилгой, педагогом и организатором народного образования А.П. Пинкевичем, а также с одним из руководителей «зловещей», по словам самого Окснэма, ВЧК и предводителей Красного террора Я.Х. Петерсом¹¹. Кроме того, члены делегации беседовали с «несколькими видными представителями старого режима» из числа тех, кто оставался в Советской России. Как отмечает Окснэм, «они были настроены радикально против нынешнего правительства

---

⁷ В начале 1950-х гг. Окснэм попал в поле зрения маккартистов и был обвинен в коммунизме. В 1953 г. по своей инициативе предстал на резонансных слушаниях в Конгрессе США в Комитете палаты представителей по расследованию антиамериканской деятельности, где свидетельствовал о своих прогрессивных взглядах и в то же время отвергал обвинения в коммунизме. См.: Dictionary of Christianity in America. Downers Grove (Ill.), 1990. P. 856.

⁸ *Oxnam G.* Op. cit. P. 11.

⁹ *Ibid.* P. 9, 11.

¹⁰ *Ibid.* P. 12.

¹¹ *Ibid.* P. 10, 57.

и жили в постоянном страхе»¹². Важное место в активности делегации занимали встречи с главами религиозных конфессий.

Путешествие по СССР длилось один месяц. Американцы передвигались по следующему маршруту: из Берлина в Москву, затем в Нижний Новгород, далее по Волге в Казань, где они были приняты руководством Татарской Автономной Советской Социалистической Республики (ТАССР) и совершили поездки по окрестным деревням, потом вернулись в Москву. Все члены делегации посетили Ленинград. Некоторые представители совершили поездки на Украину и Кавказ¹³.

Окснэм интересовался российским революционным опытом задолго до путешествия 1926 г., и соответствующие идеи и персоналии вызывали у него симпатию. В декабре 1918 г. в Йокогаме он встретился с эсеркой Екатериной Брешко-Брешковской. Окснэм охарактеризовал ее как «представительницу [той части] аристократии, которая стремилась снять ярмо угнетения со спины России». Эта встреча побудила американского пастора лучше изучить Россию, ее историю и литературу, понять предпосылки, причины и последствия Революции¹⁴.

Рассказывая о своих впечатлениях от поездки по СССР, Окснэм пытается оценивать фундаментальные особенности дореволюционного исторического опыта России, которые накладывали отпечаток на ситуацию в Стране Советов в 1920-х гг. По его твердому убеждению, Россия, не только из-за географического положения, но и национального характера не является европейской страной. Американский пастор предостерегает западные страны от однозначных суждений о текущей ситуации в СССР в том числе потому, что Россия, по его мнению, является «самой западной из восточных наций», имеет «восточный характер» и «восточный менталитет», следовательно, о ней нельзя судить на основе западных стандартов, иначе можно «прийти к неверным умозаключениям»¹⁵.

Окснэм оценивает исторический путь России до Революции 1917 г. однозначно негативно, сводя его к «тысячелетней» полосе «войн, кровопролития и тирании», «угнетения и террора», неизбежно приведшей к революционным событиям¹⁶. По его словам, «будучи молодым человеком, [он] читал о тирании царизма», и уже тогда «слово Россия в [его] сознании было синонимом деспотизма и угнетения»¹⁷. Обви-

---

¹² Ibid. P. 10.

¹³ Ibidem.

¹⁴ Ibid. P. 13–14.

¹⁵ Ibid. P. 7–8.

¹⁶ Ibid. P. 8, 15.

¹⁷ Ibid. P. 13.

няя Запад в предрассудках и односторонних оценках в отношении большевистского режима, сам Окснэм, тем не менее, склонен в такой же степени преувеличивать степень угнетения и репрессий в царской России, упрощать характер ее политической системы. Например, он пишет: «<...> Привилегированные слои [тоже] жили под страхом царской тирании, опасаясь, что даже их домочадцы могли быть агентами <...> тайной полиции»¹⁸. По мнению Окснэма, самодержавные правители России прибегали к террору, чтобы не допустить преобразований, «а когда они не могли справиться с усиливающимися требованиями народных масс, то <...> развязывали войны с другими странами, расширяли границы империи, <...> переносили интерес народа с преобразований на войну, играя на патриотизме бедняков». Окснэм был противником революционного насилия, но он пишет, что «смог лучше понять» причины революционного взрыва, посетив Музей Революции в Ленинграде и увидев «макеты тюрем, экспозиции, изображающие способы пыток, <...> историю столетней борьбы народа, который требовал политических свобод меньше, чем то, что американцы принимают как данность»¹⁹.

В отличие от политического режима, литература дореволюционной России оценивается Окснэмом очень высоко. Он соглашается с американским литературоведом У. Фелпсом в том, что «русская художественная литература <...> – лучшая в мире», и считает, что ее главные преимущества по сравнению с западной – это реалистичное воспроизведение общественных реалий и выражение мощного социального протеста²⁰.

На все сферы жизни Советской России Окснэм смотрит глазами прогрессивного протестантского пастора и церковно-общественного активиста. Религиозная ситуация была одной из тем, которые интересовали его прежде всего. Члены делегации виделись «с выдающимися руководителями разных религиозных групп России» – ведущими иерархами Русской православной церкви (РПЦ), в том числе с заместителем Патриаршего местоблюстителя, фактическим главой РПЦ митрополитом Сергием (Страгородским), несколькими другими православными иерархами, с руководителями баптистов, адвентистов Седьмого Дня, духоборов, молокан, толстовцев. Американцы также встретились со священником Владимиром Красницким, лидером обновленческой «Живой Церкви», отколовшейся от РПЦ в начале 1920-х гг. Члены делегации посещали православные церковные службы в Москве, Ленинграде, Нижнем Новгороде, в сельской мест-

---

¹⁸ Oxnam G. Op. cit. P. 16.

¹⁹ Ibid. P. 17–19.

²⁰ Ibid. P. 15.

ности. По свидетельству Окснэма, в церквях было довольно много прихожан, «но бросалось в глаза отсутствие молодежи»²¹.

Окснэму была чужда как традиционная русская религиозность, которую он ассоциировал прежде всего с доминирующей РПЦ, так и антирелигиозная политика большевиков. Здесь показательны его впечатления о пропагандистском карикатурном плакате под названием «Победитель Христос» на витрине книжного магазина Атеистического общества в Москве: «В центре изображен золотой крест. Его несут бедняки, рабочие, <...> [Они] находятся в упряжке, а поводья — в руках толстяка в шляпе-цилиндре, который сидит на золотом троне и едет верхом на кресте, как на повозке. Наездник [олицетворяет собой] капитализм. <...> Христос, ведущий изнуренных людей, которые везут золотой крест с сидящим на нем капиталистом, изображен фактически сообщником [капиталиста]». По мнению Окснэма, эта карикатура, с одной стороны, вполне достоверно изображала господствующую религию дореволюционной России, но, с другой стороны, показывала искаженное «представление коммунистов о религии и Иисусе» как таковых²².

Один из главных выводов, к которым пришел Окснэм в ходе поездки, заключался в том, что, будучи «помешанными на разрушении религии», большевики близко подошли к созданию своего варианта государственной религии на «основе коммунистического идеализма» и культа личности Ленина, которого они возвысили «до статуса религиозного лидера». Здесь, например, показательны впечатления Окснэма от посещения Мавзолея. Американский пастор посетил усыпальницу Ленина, очевидно, из обычного интереса, но он отметил, что для советских людей данное действие уже стало сакральным ритуалом. По его словам, в тот день перед Мавзолеем была очередь, растянувшаяся на «многие сотни футов»; «люди в [ней] <...> стояли неподвижно; казалось, они были преисполнены благоговения». Окснэм обратил внимание на то, что посетители при входе в Мавзолей снимали головные уборы, как будто они входили в культовое здание²³. Повсеместные «ленинские уголки» с бюстами Ленина, задрапированными в красную ткань, тоже напоминали пастору места религиозного поклонения. Окснэм даже проводит аналогию между советскими коммунистами и американскими протестантскими фундаменталистами, отмечая, что первые «цитируют Ленина [в той же манере, в которой вторые] цитируют слова Священного Писания в качестве доказательств своих тезисов»²⁴. Так как Окснэм был приверженцем

²¹ Ibid. P. 56–57.

²² Ibid. P. 51.

²³ Ibid. P. 52–53.

²⁴ Ibid. P. 53.

либерального протестантизма и последовательным противником религиозного фундаментализма, данное сравнение заключало в себе явно негативную оценку в отношении большевиков.

Невысокое мнение Окснэма о традиционной российской религиозности и господствующей Православной церкви отражено в названии соответствующего раздела его записок: «Деградировавшая (“Degenerate”) церковь довоенной России». В этой связи американский пастор считает, что воинствующий атеизм большевиков возник не на пустом месте:

«Русский революционер никогда не был знаком с тем типом религии, который представлен среди прогрессивных кругов в сегодняшней Америке. Он имел дело только <...> с государственной церковью. Эта церковь <...> была продажной, говорила чаще от имени царя, чем от имени Бога, использовалась как часть царской системы политической слежки, была пронизана отвратительными предрассудками»²⁵.

По мнению Окснэма, «религия русского крестьянина мало чем отличалась от язычества» и была далека от «этических и духовных идей Иисуса». Российский протестантизм тоже не вызывал восторгов у методистского пастора, так как, по его мнению, среди протестантских общин в России были распространены убеждения более обскурантистские, чем богословие «самых косных» протестантских фундаменталистов в Америке²⁶. Окснэм, тем не менее, рисует вызывающий у него симпатию типаж христианского священнослужителя, который присутствовал в России 1920-х гг., но, с одной стороны, был чуждым для религиозного мейнстрима, а с другой стороны, не вызывал сочувствия у коммунистических правителей. Такое духовное лицо «не выступает против <...> научных истин, но возражает против попытки большевиков сводить эти истины к материалистической философии; <...> осуждает предрассудки и продажность старой церкви, но при этом признает необходимость существования некоей организованной формы христианства; <...> [отвергает] <...> язычество, живущее под вывеской христианства среди крестьян, но в то же время хочет, чтобы крестьянство сохранило религиозную веру; <...> признает правоту <...> [коммунистической] идеи уничтожения эксплуатации человека человеком и <...> [создания] бесклассового общества», но при этом отвергает материализм, насилие и диктатуру²⁷.

²⁵ Oxnam G. Op. cit. P. 54.

²⁶ Ibid. P. 55.

²⁷ Ibid. P. 55–56.

Окснэм прогнозировал упадок религии в Советской России в течение «ближайшего поколения», как по причине гонений со стороны государства, так и из-за «косности самих религиозных общин». Однако он считал, что «религия не будет искоренена», так как в России «больше, чем где бы то ни было <...> присутствует <...> запрос <...> на <...> окончательное объяснение мироздания»²⁸, и антирелигиозные намерения коммунистов наталкиваются на мощное сопротивление со стороны присущих русскому народу «жажды» божественного и «глубокого мистицизма»²⁹. В более отдаленном будущем в России, по мнению Окснэма, должно наступить религиозное возрождение, но при этом сама религия будет другой, и ответ на духовные запросы народа России будет «сформулирован на языке прогрессивного христианства». При этом Окснэм считал не протестантские общины, а именно Православную Церковь источником грядущего религиозного возрождения. Американский пастор отмечал, что притеснения со стороны властей всегда были полезными для христианства, и современные невзгоды тоже должны пойти Православной церкви в России на пользу, так как они сблизят духовенство с «народными массами» и заставят церковников принять «последствия эпохи науки и демократии»³⁰.

Примечательно, что Окснэм хотя и выступал за радикальное преобразование традиционной православной религиозности в России, он, тем не менее, скептически относился к тем попыткам реформ, которые представляло собой обновленческое движение в русском православии, в частности, альтернативная «Живая Церковь». По его свидетельству, в 1926 г. данная религиозная организация была «в полумертвом состоянии»³¹.

Окснэм неоднозначно оценивает политику большевиков в отношении Церкви. Отмечая, что они «последовательно атакуют саму религию», он обращает внимание на то, что советская власть «гарантировала всем религиозным группам право использовать церковные здания для отправления <...> культа». Окснэм приводит данные, что 96% христианских культовых сооружений в Советской России в 1926 г. использовались по своему назначению. Также, по его словам, «все религиозные лидеры, с которыми мы встречались в России, соглашались с тем, что [здесь] существует полная свобода» совершения богослужений и обрядов³².

---

²⁸ Ibid. P. 60.

²⁹ Ibid. P. 55.

³⁰ Ibid. P. 61.

³¹ Ibid. P. 57.

³² Ibid. P. 57–59.

Окснэм даже склонен с некоторым пониманием относиться к репрессиям в отношении православного духовенства. С одной стороны, он считает, что гонения в значительной степени были вызваны именно «ненавистью большевиков к религии». С другой стороны, Окснэм отчасти оправдывает такую политику тем, что руководство РПЦ изначально заняло враждебную позицию по отношению к новой власти, например, к Декрету об отделении Церкви от государства, в котором сам американский пастор не видел ничего предосудительного. Окснэм высказывает мнение, что Церковь, «фактически объявила войну» коммунистической власти и даже считает, что, когда большевики обвиняли казненных ими священников в контрреволюционной деятельности, в этих обвинениях «была большая доля истины»³³.

Окснэм отмечает, что введенный большевиками запрет религиозным общинам заниматься образовательной деятельностью относился прежде всего к Русской православной церкви. При этом он считает, что фактически положение вещей не изменилось, так как и до Революции сама Церковь, по его утверждению, не занималась религиозным обучением детей. А что касается, например, «сектантов», которые раньше организовывали воскресные школы, то «государство разрешает деятельность этих школ». Кроме того, Окснэм приводит слова представителей российских христианских течений о том, что «сейчас у них больше свободы, так как все религиозные группы имеют равные права в вопросах культа, в то время как до Революции [государственная Православная церковь] <...> имела привилегии, а сектантов часто притесняли»³⁴. Таким образом, оценка американским пастором политики Советской власти в отношении религии неоднозначна. Осуждая радикальный антирелигиозный настрой большевиков, Окснэм тем не менее отмечает большую религиозную свободу для религиозных меньшинств при новой власти и видит положительный момент в том, что Православная церковь утратила свой государственный статус и привилегированное положение. В этой оценке он вполне последователен, будучи американцем и либеральным протестантом-методистом, убежденным в абсолютной ценности религиозной свободы и необходимости отделения Церкви от государства.

В политическом курсе руководства Советской России были отдельные направления, которые вызывали у Окснэма безусловное одобрение. Например, это народное образование и культура. Окснэм соглашается с леворадикальным американским экономистом и общественным деятелем С. Нирином, который познакомился с советской

---

³³ Oxnam G. Op. cit. P. 58.

³⁴ Ibid. P. 59.

системой образования в 1925 г. и выразил мнение, что Россия в то время представляла собой «крупнейшую <...> и важнейшую в мире педагогическую лабораторию»³⁵. Американский пастор упоминает крайне низкий уровень грамотности населения в дореволюционной России и отмечает, что при советской власти ситуация в данной сфере улучшалась, хотя и медленными темпами, и что «[коммунистический] идеал [просвещенного человека] медленно воплощается в жизнь». Окснэм также обращает внимание на то, что учреждения культуры, в частности театр, в Советской России были национализированы, стали общедоступными и тоже служат делу народного просвещения. Он пишет: «Определенная входная плата, конечно, взимается, но <...> искусство, с целью обогащения жизни, передано народу и очищено от коммерциализма»³⁶. Таким образом, по мнению методистского пастора, в сфере образования и культуры Советская Россия последовательно приближалась к заявленным коммунистическим идеалам. Более того, он считает, что Россия, «убрав коммерческий мотив из сферы культуры и искусства, <...> открыв музеи, <...> оказала услугу всему миру» и может служить примером для остальных стран. Окснэм был убежден, что Америке следует перенять данный опыт и сделать театры, музеи, картинные галереи «неотъемлемой частью общественной жизни»³⁷.

Другим важным достижением большевиков, по мнению пастора, стала бóльшая политическая свобода в Советской России по сравнению с эпохой царизма, даже с учетом репрессивных методов новой власти. Окснэм пишет: «Народ в России <...> хотя и находится под коммунистической диктатурой, но более свободен, чем в прежние времена; <...> произошло <...> освобождение жизни, <...> присутствует жажда просвещения». Окснэм высоко оценивает систему Советов и считает, что она давала гражданам «опыт участия во власти» и гарантировала им определенный контроль над политической сферой. Он даже высказывал мнение, что данная модель политического представительства поможет народу в итоге «разрушить [большевистскую] диктатуру и построить [в России] здоровую демократию»³⁸.

Большое внимание Окснэм уделяет внешней политике советского руководства, и ее он удостоивает всяческих похвал. Прежде всего, американский пастор высоко оценивает профессиональные и человеческие качества наркома иностранных дел Г.В. Чичерина. Окснэм отмечает его «гениальный ум» и характеризует внешнеполитический курс

---

³⁵ Ibid. P. 86–87.

³⁶ Ibid. P. 87–88.

³⁷ Ibid. P. 94–95.

³⁸ Ibid. P. 91–92.

наркома как «блестящее достижение», так как благодаря Г.В. Чичерину и его ведомству Советская Россия в своей внешней политике повернулась от интернационал-революционного идеализма и догматизма к реализму и практицизму, снизив внешнеполитическое влияние III Интернационала³⁹. Окснэм обращает внимание американской аудитории на то, что к середине 1920-х гг. руководство Страны Советов фактически отказалось от курса на мировую революцию, поняв «безрассудство» этой идеи, и стало искать пути налаживания сотрудничества с внешним миром. В связи с этим пастор считает беспочвенной антикоммунистическую и антисоветскую истерию в США, сетуя на то, что подстрекатели этой истерии разгоняют пропаганду и «лгут бизнесменам», пытаясь отпугнуть их от попыток экономического сотрудничества с Советской Россией⁴⁰.

Окснэм присутствовал на встрече делегации с Г.В. Чичериным у него в рабочем кабинете. Пастор отметил пунктуальность наркома, хотя это качество было, по словам Окснэма, нехарактерно для России⁴¹. На пастора также произвел впечатление тот факт, что Чичерин разговаривал с гостями из США на «безупречном» английском языке. По его словам, глава советского внешнеполитического ведомства «беседовал [с делегацией] в течение долгого времени», отвечая на каждый вопрос с «обезоруживающей искренностью». Нарком, по утверждению Окснэма, «хорошо знал историю», был «высококультурным», прекрасно разбирался в текущей мировой политической ситуации⁴². Когда делегация попросила Чичерина прокомментировать экспроприацию и национализацию имущества после победы Революции, он отметил, что в США тоже были аналогичные случаи, когда отбирали собственность у рабовладельцев, или в ходе борьбы за трезвость уничтожались винокурни и салуны, и это оправдывалось «аморальностью» рабовладения и питейной индустрии. По словам Чичерина, большевики были аналогично убеждены, что экономическая система «старого режима» и связанная с ней эксплуатация являются «аморальными», поэтому национализация собственности у представителей этой системы вполне оправдана. Нарком, однако, заверил делегацию, что западным инвесторам в Стране Советов уже ничто не угрожает, так как большевики получили контроль над экономикой, поэтому «сейчас их задача – созидание, а не конфискация»⁴³. В этом эпизоде примечательны параллели между, с одной стороны, русскими революционерами, и, с другой стороны, амери-

---

³⁹ *Oxnam G.* Op. cit. P. 62–63, 67.

⁴⁰ *Ibid.* P. 63–66.

⁴¹ *Ibid.* P. 67.

⁴² *Ibid.* P. 68.

⁴³ *Ibidem.*

канскими аболиционистами и борцами за «сухой закон». В обоих случаях «народ» боролся за улучшение общества, и насилие оправдывалось моральными аргументами.

Оценивая внешнюю политику Советской России, Окснэм последовательно рассуждает с антиимпериалистических позиций. Он обращает внимание на то, что России при большевиках удалось заручиться дружбой и поддержкой в азиатских странах и «разорвать линию британского влияния, растянувшуюся от Англии до Индии», ослабить влияние западных стран в Азии в целом. По мнению Окснэма, этому способствовали договоры, заключенные большевистским правительством с Турцией, Афганистаном и Персией, которые безоговорочно осуждали колонизаторскую политику царской России, проводимую в сговоре с западными державами, и признавали данные государства свободными и равноправными по отношению к Советской России⁴⁴. Окснэм считает «величайшим достижением» «установление единства» Советской России с Китаем, что произошло благодаря отказу большевистского правительства в 1920 г. от каких-либо сфер экономического и политического влияния в Китае, которые были приобретены при царизме⁴⁵. Пастор с воодушевлением прогнозировал, что три «восточные нации» – Россия, Китай, Япония – могут в перспективе «объединиться и разорвать удавку Запада», положив конец западному империализму в Восточной Азии⁴⁶.

В своем письме по итогам поездки члены делегации рекомендовали правительству США официально признать Советскую Россию. При этом они подчеркивали, что далеки от коммунистических симпатий, «отвергают материализм и <...> диктатуру» большевистского правительства. Советскую действительность гости из Соединенных Штатов охарактеризовали как «грандиозный эксперимент»⁴⁷. Сам Окснэм так передает свое общее впечатление: «Великий народ, ведомый людьми твердых убеждений, вступил в эксперимент огромного масштаба, <...> [цель которого] – создание нового порядка, в котором все люди, оказывающие услуги государству, будут иметь <...> изобильную жизнь»⁴⁸. Члены делегации подчеркивали, что в СССР они свободно общались с людьми различного статуса, в том числе с живущими там иностранцами, детально исследовали различные сферы жизни, и что-то в советской действительности у них вызывало одобрение, а что-то – «абсолютное осуждение»⁴⁹. Они однозначно

---

⁴⁴ Ibid. P. 70–71.

⁴⁵ Ibid. P. 71–74.

⁴⁶ Ibid. P. 74, 91.

⁴⁷ Ibid. P. 78.

⁴⁸ Ibid. P. 86.

⁴⁹ Ibid. P. 78.

считали, что «нынешнее правительство России <...> за девять лет своего существования в <...> тяжелых испытаниях» продемонстрировало себя как устойчивое и легитимное «правительство российского народа». По мнению религиозных деятелей, признание советского правительства Соединенными Штатами не только отвечало бы экономическим интересам Америки, но также могло бы содействовать усилению положительных и ослаблению негативных черт советского строя и в перспективе — способствовать превращению коммунистического режима в нечто более безопасное и приближенное к стандартам западной демократии. Члены делегации утверждали, что в коммунистической России есть общественно-экономические силы, которые изнутри могут изменить большевистский режим в лучшую сторону, а полноценные контакты с внешним миром могли бы способствовать этим силам⁵⁰. Отмечалось, что «русский [коммунистический] эксперимент может потерпеть крах», «а может и увенчаться успехом». В первом случае нормальные отношения между советским правительством и западным миром значительно смягчат «катастрофические последствия этого краха», а в случае успеха Соединенные Штаты будут сожалеть о возможностях, упущенных в результате «своенравной» и «недальновидной» политики непризнания⁵¹.

Окснэм склонен симпатизировать личностным качествам большевиков. Он утверждает, что типичный «большевистский лидер, в отличие от того, как его изображают в Америке, — это человек <...> жертвенного духа, выдающегося мужества, <...> искренний в своих попытках создать общественный порядок, результатом которого будет обогащение личности». По словам пастора, советские коммунисты «доказали свою преданность долгими годами страданий и тюремного заточения», поэтому следует уважать искренность идейного большевика, не разделяя при этом его политическую программу и «питая отвращение» к его диктаторским методам⁵². Нейтрально-уважительное отношение к личности самого Ленина просматривается во впечатлениях Окснэма от созерцания его тела в Мавзолее: «*Казалось, [Ленин] спал. Было трудно осознать, что эти <...> останки <...> [принадлежат] неистовой личности, руководившей революцией с ноября 1917 г. до тех пор, пока тело уже не могло выполнять команды жесткого целеустремленного ума*»⁵³. Окснэм считает вождей Октябрьской революции «бесстрашными», «смелыми» интеллектуалами, которые, однако, не имели реального опыта управления огромным государством» и первое время после победы Революции страдали «фана-

⁵⁰ Oxnam G. Op. cit. P. 79–80.

⁵¹ Ibid. P. 80.

⁵² Ibid. P. 84.

⁵³ Ibid. P. 53.

тичной бескомпромиссностью»⁵⁴. При этом подразумевается, что с течением времени, к середине 1920-х гг., у большевистских лидеров появился опыт управления государством, а фанатизм в значительной степени уступил место прагматизму.

Окснэм одобряет стремление коммунистов «построить бесклассовое государство», но считает неправильным средство достижения этого идеала – диктатуру пролетариата. Тем не менее он отмечает, что к середине 1920-х гг. советские руководители показали готовность «учиться на ошибках, делать уступки, меняться», быть реалистами (здесь, в частности, имеется в виду НЭП), «имея перед собой [определенную] цель». По мнению американского пастора, если бы данная тенденция продолжилась, и коммунисты в итоге прислушались к идеям Карла Каутского о построении «нового общества» без насилия, за счет «медленного процесса – просвещения и развития», то Россия смогла бы «достичь [высоких] жизненных стандартов» и даже стать примером для значительной части мира, прежде всего тех стран, которые находились на пути освобождения от колониальной зависимости. Окснэм пишет: «Возможно, коммунизм никогда не будет воплощен в России, но я убежден, что мы увидим новую Россию, <...> и что мир <...> сможет многому научиться из этого опыта»⁵⁵.

Важную часть записок Окснэма составляют его размышления о том, какие уроки Россия могла преподать Соединенным Штатам Америки. По его мнению, исторический опыт царской России показывал, что репрессии неизбежно приводят к ответной реакции в виде революционного насилия. Окснэм был убежден, что в США бесполезно и вредно бороться с радикальными идеями при помощи запретов, ура-патриотизма и разжигания страха перед «красной угрозой»⁵⁶. «Коммунистическое семя <...> находит благоприятную почву там, где имеет место [несправедливость] и эксплуатация»⁵⁷, поэтому единственный успешный способ борьбы с ним – это преобразования, направленные на «установление идеалов Христа в нашем общественном порядке», реформирование «несправедливых индустриальных условий <...> в интересах всеобщего блага», усиление «демократического контроля» над производством и распределением богатств. Окснэм в духе прогрессивного социального христианства считал необходимым заменить доминирующий в экономической системе США «мотив стяжания» на «мотив служения»⁵⁸. Примечательно, что, по мнению пастора, современная ему американская

---

⁵⁴ Ibid. P. 31–32.

⁵⁵ Ibid. P. 91–92.

⁵⁶ Ibid. P. 92–94.

⁵⁷ Ibid. P. 82.

⁵⁸ Ibid. P. 82, 93–94.

экономическая модель была основана на материализме в не меньшей степени, чем советская, и что капиталистические гегемоны, пугающие всех большевизмом, на самом деле такие же материалисты, как и советские коммунисты. В глазах Окснэма сторонники незыблемости тогдашней капиталистической системы США, вешающие ярлык большевизма «даже на законодательство о детском труде», тоже являлись богоборцами, так как они выступали против претворения в жизнь «социального учения Иисуса»⁵⁹.

Отношение пастора Окснэма к советской действительности было типичным для довольно значительной группы клириков и интеллектуалов, которая существовала в американском протестантизме в 1920–1930-е гг. и проповедовала идеи христианского социального реформизма и христианского социализма, активно критиковала американскую внутреннюю и внешнюю политику с антикапиталистических и антиимпериалистических позиций. Немало публичных деятелей, которые в той или иной степени симпатизировали советскому эксперименту и выступали за изменение политики США в отношении большевистского режима, находились именно в этой религиозной среде и обосновывали свою позицию богословскими аргументами. Цель коммунистов – построение общества без классов и без эксплуатации, со справедливым распределением благ – рассматривалась в данном сообществе как отвечающая букве и духу Священного Писания. Диктатура и атеизм большевистского режима вызывали неприятие у «левых» и либеральных протестантских пасторов, но многие из них были убеждены в том, что тесные и равноправные отношения с Западом будут способствовать исправлению негативных черт советского строя, а прогрессивное христианское сообщество США должно «подобно Иисусу, <...> помогать [большевикам] идти к свету»⁶⁰.

---

⁵⁹ *Oxnam G.* Op. cit. P. 95–96.

⁶⁰ *Rossinow D.* Op. cit. P. 80.